

ВЕЛИЧИЕ И ТРАГИЧНОСТЬ ДУХА

МАКУТОН П. Я.

г. Кривой Рог.

Природное существование имеет две проекции во времени: оно подчинено, с одной стороны, циклическим ритмам, а с другой, — изменяется поступательно. Преимущество принадлежит цикличности. Она настолько очевидна, что уже в глубокой древности служила предметом изучения. Мыслители высчитывали продолжительность мирового цикла, хотя их результаты существенно расходились: от 4,3 млрд. лет у мудрецов Индии и до 36 тыс. лет у Платона. Рассматривая человека как своеобразную копию Вселенной — микрокосмос — мыслители древности также придавали ведущую роль в его развитии циклическим ритмам. И это, конечно, имеет определенные причины: на протяжении тысяч лет жизнь общества подчинялась неизменным традициям. Как бы там ни

было, но наиболее распространенные философские учения древности учили, что после смерти человека его душа вновь приходит в жизнь, но уже в иной оболочке, и вновь — стадию за стадией — повторяет пройденный прежде цикл: И так — снова и снова.

Что касается поступательного движения, то, по мере исторического развития, оно приобретало в жизни человека все большую роль. Чем активнее становилась творческая деятельность, тем меньшее место в ней занимало повторение уже бывшего ранее. В этой временной проекции человеческое существование постепенно приобретает вид восходящей линии, устремленной в бесконечность. Если преобладание циклического развития означает жесткую зависимость человека от принудительного круговорота жизни, то творчество освобождает индивида в выборе целей и средств деятельности. Его развитие становится индивидуально неповторимым, его мир — необычайно широким, а ценности — возвышенными.

Конечно же, человек никогда не сможет избавиться ни от того, ни от другого пути развития. Взаимно переплетаясь и ограничивая друг друга, они определяют конфигурацию нашего жизненного пути.

Но каково содержательное наполнение обеих проекций в жизни отдельной личности? Какое место в ней они занимают? Ответы на эти вопросы возможны при условии, что мы будем рассматривать в качестве решающего фактора, определяющего параметры человеческой жизни, сознание. Речь не идет об идеализме. Дело в простом констатации того факта, что человек сознательное существо. Все его поведение и деятельность управляются сознанием. Материализм всегда подчеркивает отражательную природу сознания. И этот тезис не вызывает возражений. Иное дело — его интерпретация. Мы считаем, что сознание — весьма специфическое отражение. Оно фиксирует в объеме возможности для его изменения, намечает цели действий, осуществляет выбор и постановку целей, выбор методов и средств их осуществления. Иными словами, сознание отражает мир, но отражает в формах целесообразной деятельности.

Целеполагание с древности и до наших дней составляет основное содержание сознания. Сознание придает целесообразный характер нашим действиям. Человек действует для чего-то, ради чего-то. Благодаря целеполаганию человеческое действие наделено определенным смыслом. Такое понимание сознания дает возможность увидеть непосредственную связь между характером целей, которые мы ставим, и дву-

мя временными проекциями человеческого существования. Все бесконечное многообразие формулируемых и решаемых в жизни задач, в конце концов можно свести к двум различным классам целей, каждый из которых связывает деятельность с соответствующей временной характеристикой бытия.

Циклические ритмы присущи, главным образом, повседневной деятельности и поведению в жизненных ситуациях, связанных с ней. Здесь ставятся цели, достижение которых должно принести планируемый результат в близком будущем. Он необходим для непосредственного удовлетворения материальных интересов и потребностей, хотя может также служить звеном в цепи более сложных многоходовых комбинаций. В этом случае, он, хотя и опосредованно, но также служит этой цели: удовлетворять нужды, приносить пользу. Содержание целей этого класса детерминировано внешними условиями природной и социальной среды. Внешняя необходимость, независимо от кажущейся свободы выбора, на самом деле диктует человеку его цели. Свобода личности в этой области деятельности сводится лишь к выбору средств в жестких рамках навязанных извне целей.

Жизнь, управляемая этим классом целей, влечет нас по пути, избранному не нами. Такая жизнь полностью уместается в извечном круговороте циклического ритма. Описанный класс целей образует содержание сознания, которое направляет нашу практическую деятельность, имеющую прагматический материальный характер:

Но даже в традиционном обществе в человеческой жизни огромное место занимали иного рода цели. Тем более это относится в современному миру. Дело в том, что в любые эпохи люди заботились не только о собственных сиюминутных интересах. Они стремились приобщиться к истине, добру, красоте. Их занимало вечное и бесконечное. Они хотели блага не только для близких, но и для дальних: своих родных, своего народа, всего человечества. В конце XX века, когда необычайно выросло количество глобальных проблем, подобные цели в нашей деятельности занимают порой ведущее место.

Но примером подобной деятельности могло служить и развернувшееся в V—III тысячелетиях до нашей эры строительство циклопических культовых сооружений: Баальбекского храма и библейской башни в Вавилоне, пирамиды Хеопса и кромлеха Стоухенджа, курганов Степного Приазовья и Причерноморья. Эти колоссальные сооружения создавались не в прагматических целях. Строители хотели с их помощью обрести личное бессмертие, общаться с богом, постигнуть

вечное и прекрасное. Строители не надеялись на земное вознаграждение и какие-либо материальные блага. Тем не менее цели, преследуемые ими, (а не только «нагайка надсмотрщика», как изображают в некоторых примитивных учебниках истории), вдохновляли на титанический труд, иногда длившийся десятилетиями. Безвестные труженики древности, орудуя клиньюми, веревками и бревнами, создали творения, поражающие и сегодня грандиозностью. Великий порыв был рожден великими целями.

Специфика этого класса целей, прежде всего, в их особой детерминации. Они порождены не внешними — природными и социальными, — а внутренними побудительными мотивами. И на этот раз речь идет не о материальных интересах, а о духовных потребностях. Здесь осуществляется выход за пределы телесных потребностей и прагматических интересов. Цели второго рода человек выбирает в иной сфере. Она включает собственную духовную жизнь, благо человечества, его будущих поколений, благо других людей, благо мира в целом, и, наконец, область вечного и бесконечного. Духовные интересы выводят личность за границу земного бытия. Ее беспокоят проблемы жизни души после телесной смерти, жизни вообще — после смерти человечества. Поле духовных интересов и потребностей значительно шире, чем область материальных мотивов деятельности. Но потому, что оно им материально, человек здесь обладает гораздо более высокой степенью свободы. Он может выбирать не только средства, но и сами цели. Внешняя необходимость и человеческая свобода, когда речь идет о целях в духовной сфере, оказываются лежащими в разных уровнях действительности. Здесь необходимость не проявляется через свободу, которая, в свою очередь, не заключается всего лишь в познании этой необходимости. Необходимость действует в сфере внешнего и предметного, а внутреннее, духовное — область свободы.

Цели второго класса служат основой важнейшей области сознания, составляющей **дух** или **духовность**. Дух — совокупность смысложизненных целей. Если прагматические цели придают смысл повседневной деятельности, то духовные цели придают смысл всей жизни. Особого внимания заслуживает тот факт, что смысл лежит за пределами реальной практики. Дух характеризуется как интенция сознания за пределы материальных потребностей и интересов в сферу свободы.

Духовное — целостность особого, нематериального типа. Как внешняя ее сторона, так ее характеристика, когда речь

идет о личности, выступает интеллигентность. Интеллигентность — проявление духовности личности, имеющее два основных параметра. Первый из них — количество и степень развитости духовных интересов. Этот показатель составляет главное содержание духовной культуры человека. Второй — наличие и степень утонченности духовных чувств. Последние могут вызвать переживания и доставлять наслаждение, которое по своему эмоциональному воздействию на человека значительно превосходит удовольствия телесные. «Утонченность чувств» и «культура чувств» — близкие по содержанию понятия. Они характеризуют чувства со стороны их духовности.

Понятие «интеллигентность» в научной литературе применяется сравнительно редко. Значительно чаще используется привычный для психологии термин «дух», «духовность». Им обозначают систему специфических только для человека элементов психической деятельности, благодаря которой осуществляется поиск, осознание, постановка, достижение целей и решение проблем смыслозначимого плана. Система включает в себя духовные (идеальные) отношения, духовные чувства и переживания, идеи, идеалы, ценности. Духовные отношения характеризуются бескорыстием. К их числу принадлежит, прежде всего, любознательность: любовь к знаниям и познанию, которая не содержит прагматических интересов, а движима лишь стремлением к истине. Сюда же принадлежит и альтруизм — любовь к «дальнему» — т. е. к людям, которые не являются родственниками, не связаны с тобой никакими деловыми, дружескими, национальными, религиозными, племенными, семейными узами. Альтруизмом движет любовь к человечеству. В число этих отношений включаются многочисленные виды нравственных связей: дружба, любовь, уважение.

Духовные отношения тесно связаны с духовными чувствами и переживаниями, которые представляют собой эмоциональное восприятие будущего, идеального, потустороннего. Особого рода духовное чувство — эмпатия, когда человек переживает чувства и отношения другого как свои собственные.

Специфически духовными чувствами являются вера, надежда, любовь, которые не имеют близких аналогов в обычных эмоциях. Накал этих чувств настолько велик, что они выступают наиболее мощным двигателем человеческой деятельности, намного превосходящим прагматические факторы. Идеинное содержание духовности включает в себя прежде всего метафизические проблемы существования души, по-

двустороннего мира, вечности и бесконечности. Сердцевина духовности — абсолютные ценности, в состав которых входят мировоззренческие, этические идеалы. Благодаря им духовность служит средством ориентации личности на высокие цели, на светлое будущее, на вечное. Издавна духовность отождествлялась с чистыми возвышенными помыслами, зерой в Бога, со стремлением к добру, справедливости, истине, красоте.

Особое величие духу придает метафизика. Благодаря ей личность как бы создает в своем сознании модель мира как целого, человека как составной части вечного и бесконечного бытия. Метафизическое сознание обобщает жизненный опыт личности и всего человечества. Но с помощью абстрагирования и идеализации опытный материал превращается в категориальные понятия и обобщенные образы, которые затем экстраполируются в трансцендентную область. Они превращаются в идеальные «объекты», находящиеся вне реального бытия, в «ничто», в абсолютные идеальные сущности.

На этой абстрактной основе формируются абсолютные ценности, имеющие позитивное значение для всего человечества. Они конденсируют глобальный общекультурный опыт. Неудивительно, что к ним принадлежат жизнь, здоровье, труд, общение, знания, самореализация. Но к ним же относятся и идеалы свободы, истины, справедливости, добра, красоты, в которых в гораздо большей степени отражен не столько прошлый опыт, сколько то, чего человечество не достигло. Эти идеалы устремляют нас к непокоренным вершинам. Они включают смертного индивидуума в общечеловеческое, вечное и бессмертное движение к будущему и, тем самым, делают его бытие универсальным. За ними стоит мир значений и смыслов всей культуры. В спрессованном виде содержание ее и воплотилось в абсолютных ценностях. Идеалы поэтому фиксируют общую направленность движения человечества от прошлого к будущему. В них ярко прослеживается направление и назначение духовности: ориентировать личность на будущее, на вечное. Благодаря идеалам человек не замыкается в рамках собственного бытия и материального благополучия. Он устремлен — вперед и выше.

Идеалы, выполняя роль смысложизненных ценностей, придают жизненному пути отдельной личности общекультурный смысл. Вместе с тем, они являются передаточным механизмом, с помощью которого новые поколения унаследуют от

старших позитивный потенциал культуры. Они — стержень, основа развития культуры. И вместо с тем, и это главное, благодаря им человек поднимается над серой обыденностью, над мелочным эгоизмом быта и приобретает подлинную духовность, возвышающую его и придающую ему черты Человека.

Не менее успешно эту задачу выполняют и духовные чувства. Благодаря им телесные инстинктивные потребности приобретают принципиально иной вид. Инстинкт продолжения рода и чувство Любви — связаны, сходны, но в то же время качественно отличны. Любовь идеализирует любимого. Поэтому она заставляет любящего полностью отречься от себя ради любимого. «Сила, которая может изнутри вкоре не подорвать эгоизм, и действительно его подрывает, именно — любовь:» (Соловьев В. С. Соч.: в 2-х т., изд. 2-е. — М, Мысль, 1990, с. 507). Половая, родительская, сыновняя любовь, повторяясь в миллиардах случаев, вновь и вновь каждый раз вдыхают в идеалы новую жизнь, придают им силу страсти. Благодаря любви, вере, надежде возвышенные устремления духа приобретают необоримую силу.

Издавна принято делить людей на эгоистов и альтруистов, корыстолюбцев и бессребренников, прагматиков и «идеалистов». Первых, особенно в наши дни, становится все больше, вторых — все меньше. Над вторыми принято даже потрунивать: как же, ведь они все верят в высокие идеалы и духовные порывы, несмотря на их нежизненность. Но скептики правы лишь на первый взгляд. Конечно, и «чистая любовь», и «полная справедливость», и «торжество добра» в жизни не могут осуществиться, так как реальность всегда была и всегда будет несовершеннее идеала. Иначе и быть не может. И, тем не менее, люди продолжают влюбляться, верить в добро и справедливость, стремиться к ним. Происходит это со всеми, в том числе и с эгоистами и прагматиками. Берем на себя смелость утверждать, что в жизни подавляющего большинства роль веры, надежды, любви, стремлений, к высоким идеалам не меньше, чем роль расчетливого практицизма. Каждый из нас в определенных ситуациях проявляет себя как «идеалист»: ведь каким бы ни было дело, которому служишь, мы убеждены, что оно — справедливое и правое; пока живем — надеемся на лучшее, верим в успех, до конца дней мечтаем о будущем и т. п. По существу, мы ведем себя то как эгоисты, то как альтруисты, то как прагматики, то как «идеалисты». Но всякий раз, когда наступает поворотный пункт, и судьба ставит перед человеком вопросы «С кем ты? Куда идешь?» — от участия духов-

ного начала и степени накала духовных чувств зависит в решающей степени его ответ.

Два начала — прагматическое и духовное — сосуществуют в нашем сознании. Духовное по своему происхождению связано с прагматическим — в нем абстрагирован общечеловеческий опыт. «Связано» — это не значит «сводится». Уже в общем есть момент несводимости к сумме индивидуальных. Не говоря о том, что эгоизм и альтруизм, выгода и бескорыстие, повседневное и вечное — непримиримые противоположности. Всегда ли они несовместимы? Наверное, не всегда: Так, в мировоззренческом сознании особенно наглядно проявляется их тесная связь. Собственно, смысл существования личного мировоззрения в том, чтобы коррелировать поведение индивидуума с помощью идеалов и абсолютных ценностей, найти его место в метафизической картине мира.

И все же за этими пределами существует острый антагонизм. Наиболее ярко его увидел и показал Ф. М. Достоевский в знаменитом диалоге Великого Инквизитора с Христом. Их спор — о побудительных мотивах деятельности простого человека, об «источниках исторического развития»: материальные интересы или абсолютные ценности движут людьми? «Добро, Любовь, Свобода», — утверждает Христос. «Нет, хлеб насущный», — возражает Великий Инквизитор. «Нет, хлеб насущный», — возражает Великий Инквизитор». И «И они несовместимы», — продолжает он. Так ли это?

Уже первобытному человеку приоткрылась двойственность существования. Его жизнь, средняя продолжительность которой составляла едва восемнадцать лет, протекала в постоянных заботах о хлебе насущном, о защите от врагов, хищников, стихий. Но он же, оказывается, беспокоился не только о повседневных горестях и нуждах. Он думал о вечном: о богах, об ушедших в иной мир предках, о своем потустороннем будущем. Два лика бытия — смертный и бессмертный — были знакомы человеку с глубокой древности. И уже в древних религиях особое внимание обращалось на их противоположность: света и тьмы, Добра и Зла, возвышенного и низменного. Мудрецов древности амбивалентность сознания занимала настолько, что ими постоянно решались вопросы «Почему эта двойственность? Зачем она?». Иначе говоря, о ее причинах и смысле.

Причины двойственности сознания занимали мыслителей всех времен, в том числе и нашей эпохи. Ответы на этот вопрос искали в разных областях — в божественном предопределении, природных законах, социальных факторах. Так,

конфуцианцы считали, что человек добр от природы, злым его делают жизненные обстоятельства и дурное воспитание. Библейская легенда об изгнании Адама и Евы из рая исходит из того, что человек был сотворен Богом добрым, злое начало приобретено благодаря дьявольскому наущению. Первородный грех изменил природу человека, сделал его хоть и подобием Божьим, но греховным. Бессмертие и райское блаженство — награда его душе; смертность, тяжкий труд и жизнь в муках — наказание его телу. Библейская история человечества в качестве основного содержания включает в себя рассказ о вечном споре этих противоположных начал.

Рискнем высказать предположение, что на философию античной Греции, а со временем и на всю мировую философию идея двойственности также оказала значительное влияние. Одной из центральных идей философии Сократа была мысль о том, что в каждом из нас живет «второе Я» — человек вообще. Именно в его познании Сократ и увидел цель философии, о чем свидетельствовал его призыв «Познай самого себя». У его ученика Платона проблема приобрела глобальный характер соотношения духовно-идейного и материально-телесного. Он впервые выдвинул и четко провел мысль, согласно которой в сознании человека есть две части — низменная, связанная с телом, и возвышенная, делающая душу бессмертной. Дальнейшее развитие этих идей причудливо преломлялось во всех сколько-нибудь значительных философских учениях:

Натуралистические концепции двойственности человеческого бытия в XX в. (фрейдизм) выводят ее непосредственно из двоякого рода инстинктов, лежащих в основе человеческой природы: самосохранения и продолжения рода. Из первого вытекает эгоизм и прагматизм, из второго — забота о ближнем, интерес к будущему.

Истоки двойственной природы человека анализируются и марксизмом. Он не ставит эту проблему, что называется «в лоб», но тем не менее затрагивает ее, изучая биосоциальную природу человека. Современный марксизм исходит из того, что любое, казалось бы чисто социальное явление, несет в себе и биологические моменты. Кстати, пример такого подхода к социальным явлениям показал еще К. Маркс, когда в «Капитале» анализировал двойственную природу труда. Согласно Марксу, труд, с одной стороны, удовлетворяет природные потребности людей в еде, одежде, жилье, с другой же — реализует социокультурную потребность в творческом созидании. И какие бы дальнейшие трансформа-

ции и новые социальные следствия не порождал труд, его двойственная природа всюду оставляет свой след. Она лежит, по Марксу, в основе материального производства, а значит, и всей истории. Вероятно, она же составляет причину раздвоенности сознания личности, особенно если учесть, что труд породил сознание. Многочисленные учения представителей немецкой классической философии, а в наши дни — неомарксизма и экзистенциализма об опредмечивании и распредмечивании, об извечном отчуждении человека, надо думать, также лежат в общем русле исследований двойственной природы человека.

Очевидно, что констатация двойственности сознания породила огромную массу концепций детерминации этого явления. Учитывая метафизический характер проблемы, можно говорить о плюрализме ее решений. Кроме того, вероятный результат скорее всего представляет целую систему взаимосвязанных факторов. Как бы там ни было, налицо достаточно большое количество причин, которые могут объяснить внутреннюю противоречивость сознания.

Ответ на вопрос о ее смысле значительно сложнее. Первое, что бросается в глаза: дело не ограничивается взаимной противоречивостью сфер сознания, оно заключается в глубокой трагичности человеческого существования. Состоит же трагедия в том, что, устремленный в бесконечное, вечное и совершенное, человек конечен, смертен, несовершенен. Более того, он знает об этом, но ничего не может изменить. Именно это бессилие на фоне величия Духа и воспринимается им как собственная трагедия. Бессилие на фоне величия... Безысходность звучит рефреном со страниц Библии, посвященных истории Адама. Можно ли искупить первородный грех, вернуться в рай, вернуть себе бессмертие? Ветхий Завет не дает ответа. Новый Завет видит выход: второе пришествие, установление Царства Божия на земле. Духовность и Добро навеки торжествуют в борьбе с греховым и Злом. Эсхатологические мотивы не являются преимущественно принадлежностью христианства. Мечты человечества о «золотом веке» и социалистические и коммунистические утопии — все это явления одного порядка. Они призваны были преодолеть трагичность человеческого Духа. И, увы, каждый раз эти попытки приводят к неудачам.

Со времени записи библейских легенд прошло около трех тысячелетий. Многое изменилось в жизни. Но неизменно продолжает волновать искусство, религию, философию тема трагичности Духа.

Омысл трагичности лежит за ее пределами. Для того, чтобы Духовность существовала, необходимо постоянное стремление человечества к высшим ценностям. Оказывается, человек нуждается в постоянном самоподстегивании. Он нуждается в остром чувстве греховности, осмыслении собственной брэнности и несовершенства. Он воспринимает свое несоответствие идеалам как факт, с которым невозможно мириться, как внутреннюю драму. Не будь этого — не было бы и никаких стимулов для духовного совершенства. В этом смысл трагедии духовности: не давать духу остановиться в развитии, успокоиться, застыть. Величие духовного, как видим, весьма двусмысленно: оно существует лишь потому, что человек постоянно испытывает свое несовершенство, ощущает свою смертность и органиченность. Дух велик перед лицом греховности и брэнности человека. Такова ирония его существования, вылившаяся в трагедию.